

Личность в психолого-педагогическом измерении/ Personality in Psycho-Pedagogical Dimension

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/2658-4034-2026-17-3-1208](https://doi.org/10.12731/2658-4034-2026-17-3-1208)

EDN: [DMMEYR](https://edn.ru/DMMEYR)

УДК 159.923.2:791.43-2

Клинико-психологический анализ незавершенной сепарации в структуре личности киногероя (на материале фильма «Ирония судьбы, или С лёгким паром!»)

В.И. Шебанова, Г.А. Попельчук,
Е.Ю. Лукьянова, Н.О. Олейник

*Херсонский государственный педагогический университет,
Херсон, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Феномен инфантильности и незавершенной сепарации у социально адаптированных взрослых остается одной из наименее диагностируемых, но широко распространенных форм личностной организации. В массовой культуре такие состояния не только репрезентируются, но и приобретают статус социально одобряемых сценариев, что затрудняет их психологическую рефлексию. Кинематограф Э. Рязанова, в частности образ Евгения Лукашина, предоставляет уникальный материал для клинико-психологической реконструкции данного феномена в его культурно-нормативной форме.

Цель. Выявить симптомокомплекс незавершенной сепарации-индивидуации в структуре личности киноперсонажа и интерпретировать сюжетную логику фильма как нарративную модель отказа от психологической автономии.

Материалы и методы. Материалом исследования выступил фильм «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» (реж. Э. Рязанов, 1975). Методологическую базу составил интегративный подход, объединяющий теорию сепарации-индивидуации М. Малер, концепцию «ложного Я» Д. В. Винникотта, архетипический анализ рюг аeternus (М.-Л. фон Франц) и методы кинопсихологии. Применялся качественный анализ единичного случая с герменевтической интерпретацией поведенческих, речевых и пространственных маркеров персонажа.

Результаты. Выявлено, что личность Евгения Лукашина организована вокруг ядра незавершенной сепарации, фиксированной на подфазе воссоединения. Выделены ключевые маркеры: диффузность личностных границ, регрессивная

аффективность, отсутствие агентности, структурирование отношений по модели «мать – послушный ребенок». Показано, что Галя выполняет функцию институционализированного заместителя матери, а Надя – проекцию идеализированного объекта (анимы), не приводящую к подлинной индивидуации. Пространственная среда (типовая квартира) интерпретирована как экстернализация размытой самости. Финал фильма переосмыслен не как хэппи-энд, а как культурно санкционированный сценарий «магического спасения», блокирующий взросление. Образ героя соотнесен с архетипом *puer aeternus* и моделью инфантилизированной маскулинности позднесоветского периода. Сделан вывод о том, что фильм объективирует коллективный психологический конфликт эпохи, легитимируя зависимость как норму. На основе анализа разработана операционализированная модель симптомокомплекса незавершенной сепарации, применимая в диагностической и коррекционной работе с молодежью.

Ключевые слова: сепарация-индивидуация; *puer aeternus*; незавершенная сепарация; инфантилизм; кинопсихология; анализ киноперсонажа; ложное Я; советский кинематограф; диагностика инфантилизма; жизненная перспектива личности

Для цитирования. Шебанова В. И., Попельчук Г. А., Лукьянова Е. Ю., & Олейник Н. О. (2026). Клинико-психологический анализ незавершенной сепарации в структуре личности киногероя (на материале фильма «Ирония судьбы, или С лёгким паром!»). *Russian Journal of Education and Psychology*, 17(3), 497–525. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2026-17-3-1208>

Clinical and psychological analysis of incomplete separation in the personality structure of a film character (Based on the film *The Irony of Fate, or Enjoy Your Bath!*)

V.I. Shebanova, G.A. Popelchuk,
Ye.Yu. Lukyanova, N.O. Oleynik

Kherson State Pedagogical University, Kherson, Russian Federation

Abstract

Background. The phenomenon of infantilism and incomplete separation in socially adapted adults remains one of the least diagnosed yet widespread forms of personality organization. In mass culture, such states are not only represented but also acquire the status of socially approved scenarios, which complicates their psychological reflection. The cinema of E. Ryazanov, in particular the character of Evgeny Lukashin, provides unique material for the clinical and psychological reconstruction of this phenomenon in its culturally normative form.

Purpose. To identify the symptom complex of incomplete separation-individuation in the personality structure of a film character and to interpret the narrative logic of the film as a model of refusal of psychological autonomy.

Materials and methods. The material of the study is the film *The Irony of Fate, or Enjoy Your Bath!* (dir. E. Ryazanov, 1975). The methodological framework is an integrative approach combining M. Mahler's theory of separation-individuation, D.W. Winnicott's concept of the «false self», the archetypal analysis of the puer aeternus (M.-L. von Franz), and methods of film psychology. A qualitative case study analysis was applied, with hermeneutic interpretation of the character's behavioral, speech, and spatial markers.

Results. It is established that the personality of Evgeny Lukashin is organized around the core of incomplete separation, fixated on the rapprochement subphase. Key markers are identified: diffuseness of personal boundaries, regressive affectivity, lack of agency, and the structuring of relationships according to the «mother – obedient child» model. It is shown that Galya functions as an institutionalized mother substitute, while Nadya represents a projection of an idealized object (anima) that does not lead to genuine individuation. The spatial environment (standard apartment) is interpreted as an externalization of a diffuse self. The film's ending is reinterpreted not as a happy ending, but as a culturally sanctioned scenario of «magical rescue» that blocks maturation. The character's image is correlated with the puer aeternus archetype and the model of infantilized masculinity of the late Soviet period. It is concluded that the film objectifies the collective psychological conflict of the era, legitimizing dependency as the norm. Based on the analysis, an operationalized model of the symptom complex of incomplete separation has been developed, applicable in diagnostic and correctional work with young people.

Keywords: separation-individuation; puer aeternus; incomplete separation; infantilism; film psychology; film character analysis; false self; Soviet cinema, diagnostics of infantilism; life perspective of personality

For citation. Shebanova V. I., Popelchuk G. A., Lukyanova Ye. Yu., & Oleynik N. O. (2026). Clinical and psychological analysis of incomplete separation in the personality structure of a film character (Based on the film *The Irony of Fate, or Enjoy Your Bath!*). *Russian Journal of Education and Psychology*, 17(3), 497–525. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2026-17-3-1208>

Введение

Конфликт между внешней социальной зрелостью и внутренней психологической инфантильностью представляет собой одну из наиболее устойчивых и клинически значимых проблем в современной психологии личности. В то время как социум предъявляет индивиду императивы автономии, ответственности и способности к построению зрелых

отношений, его глубинные, зачастую бессознательные паттерны могут сохранять фиксацию на состоянии эмоциональной зависимости и неразрывной связи с родительскими фигурами. В психоаналитической парадигме (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман и др.) это структурное противоречие описывается как феномен незавершенной сепарации-индивидуации – нарушения процесса психологического «рождения» самостоятельного субъекта [11; 20]. Данный разрыв между нормативным «должным» и экзистенциальным «сущим» не только составляет основной материал психотерапевтической практики, но и получает яркую репрезентацию в пространстве культуры, становясь предметом художественного исследования.

Будучи массовым и образным искусством, кинематограф обладает уникальной способностью объективировать коллективные бессознательные конфликты эпохи (К.Г. Юнг) [16], а киноперсонажи часто выполняют функцию архетипических «моделей личности» [5; 6], в которых зритель с различной степенью рефлексии обнаруживает проекции собственных неразрешенных внутренних дилемм.

Способность к построению жизненной перспективы рассматривается в современной психологии как интегральный показатель личностной зрелости (Е.Е. Блинова и др.) [1]. Она включает в себя планирование, целеполагание, временную транспективу и принятие ответственности за будущее. Одним из глубинных психологических условий, блокирующих формирование зрелой жизненной перспективы, выступает незавершенная сепарация-индивидуация (М. Малер) [11]. Фиксация на симбиотической стадии не позволяет личности выстроить автономный образ будущего, поскольку жизненный сценарий остается «вложенным» в сценарий значимого Другого. В связи с этим анализ киноперсонажа, репрезентирующего данную личностную организацию, приобретает не только клиническое, но и общепсихологическое значение для понимания механизмов, препятствующих построению жизненной перспективы.

В этом контексте образ Евгения Лукашина из культовой кинокомедии Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!» (1975) представляет собой репрезентативный кейс для многоуровневого психологического анализа [22]. Парадоксальным образом, под оболочкой

лирической новогодней сказки фильм создает клинически точный портрет личности, фиксированной в фазе незавершенной сепарации-индивидуации.

Историография проблемы. В работах конца XX - начала XXI века тема инфантилизма и незавершенной сепарации разрабатывалась преимущественно в клиническом ключе. Классические исследования М. Малер, Дж. Боулби и Д. В. Винникотта заложили теоретический фундамент для понимания механизмов симбиотической фиксации и нарушений привязанности (Дж. Боулби) [2; 4; 11; 17; 20]. В аналитической психологии архетипический анализ «puer aeternus» был глубоко разработан М.-Л. фон Франц, Дж. Хиллманом и Д. Шарпом, которые описали структуру личности, отказывающуюся от взросления и экзистенциальной ответственности [13; 18; 21].

В отечественной науке проблема инфантилизированной маскулинности и гендерного порядка советской эпохи поднималась в работах И.С. Кона и коллектива под руководством Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной [6; 8]. Исследователи показали, что в условиях позднесоветского патернализма сформировалась устойчивая модель мужской субъектности, редуцированной до пассивного принятия опеки. Культурологический анализ повседневности и мифологии «застоя», предпринятый С. Бойм, позволяет рассматривать типизацию быта и ригидность социальных лифтов как факторы, консервирующие инфантильные паттерны [3].

Актуальность исследования. В современных социокультурных условиях, характеризующихся пролонгацией периода взросления (феномен «кидалт»), размыванием традиционных моделей маскулинности и ростом тревожности в студенческой среде, проблема незавершенной сепарации приобретает особую остроту. Эмпирические исследования фиксируют рост инфантильных установок у молодежи, что напрямую коррелирует с трудностями построения жизненной перспективы, целеполагания и принятия ответственности [1]. В этой связи анализ репрезентативных культурных моделей инфантилизма, таких как образ Евгения Лукашина, позволяет не только верифицировать клинические концепты, но и разработать операционализированные критерии диагностики данного

феномена у современных студентов – будущих педагогов, что является одной из задач Государственного задания «Разработка модели построения жизненной перспективы студентами педагогических университетов воссоединенных регионов Российской Федерации» № 073-00108-26-01.

Вместе с тем, исследовательский пробел заключается в отсутствии работ, интегрирующих клинико-психологический, архетипический и культурно-исторический подходы к анализу конкретного киноперсонажа как модели социально одобряемого инфантилизма. Образ Лукашина до настоящего времени не рассматривался как целостный симптомокомплекс незавершенной сепарации, а финал фильма не подвергался критической реинтерпретации с позиций теории индивидуации.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проведен системный анализ личности киногероя как репрезентативной модели синдрома незавершенной сепарации в его социально приемлемой, «нормативной» форме; предложено переосмысление финала фильма не как хэппи-энда, а как нарратива об отказе от индивидуации, реализуемого через механизм «магического спасения»; осуществлена интеграция клинико-психологических концептов (теория сепарации-индивидуации, «ложное Я», теория привязанности) с архетипическим анализом «puer aeternus» и культурно-исторической реконструкцией позднесоветского гендерного порядка. На основе проведенного анализа разработана операционализированная модель симптомокомплекса незавершенной сепарации (система диагностических маркеров), применяемая в эмпирических исследованиях и психологической практике.

Цель исследования состоит в психологической реконструкции симптомокомплекса незавершенной сепарации-индивидуации на материале личности киноперсонажа Евгения Лукашина и в нарративном анализе фильма «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» как репрезентации культурно санкционированного сценария отказа от психологической автономии в позднесоветский период.

Для достижения поставленной цели формулируются следующие задачи исследования:

1. Выделить и описать ключевые поведенческие, аффективные и речевые маркеры незавершенной сепарации в проявлениях героя.

2. Проанализировать систему его значимых интерперсональных связей (диада с матерью, отношения с невестой Галей и возлюбленной Надей) через призму теории объектных отношений и теории привязанности.
3. Исследовать роль пространственной среды (типовая квартира, топос города) как проекции его внутреннего мира и символической репрезентации диффузности личностных границ.
4. Интерпретировать сюжетный кризис и его разрешение как нарративную метафору психологической трансформации (либо её видимости), соответствующую архетипическому паттерну *«puer aeternus»* (вечного юноши).

Таким образом, фильм Э.А. Рязанова рассматривается в настоящем исследовании не как развлекательная кинокомедия, а как сложный культурный текст, в котором под оболочкой жанровых условностей осуществляется художественное исследование фундаментального экзистенциального сюжета о генезисе психологической автономии. В предлагаемой трактовке этот путь предстает как внутренне конфликтный и мучительный процесс, сопряженный с риском незавершенности и блокируемый самими механизмами культуры, предлагающей вместо индивидуации миф о «магическом спасении» (С. Ларсен, Д. Шарп) [19; 21].

Материалы и методы

Исследование построено на качественном методе анализа единичного случая (case study), в котором целостный художественный образ киноперсонажа рассматривается как единица анализа («кейс»). Данный метод широко применяется в парадигме кинопсихологии – междисциплинарной области на стыке психологии личности, психоанализа и киноведения, изучающей психические процессы, репрезентированные в аудиовизуальных текстах, а также механизмы идентификации зрителя с экранными образами (В.А. Дмитриева, В.В. Одинова, Д.М. Намди) [5]; (М.В. Зверева) [6].

Материалом исследования выступил фильм «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» (реж. Э.А. Рязанов, 1975). В качестве единиц анализа выделены: поведенческие акты, речевые высказывания, невербальные

проявления (мимика, жесты, позы), а также паттерны взаимодействия персонажа с другими действующими лицами и пространственной средой в ключевых сценах фильма [22]. Аналитическая процедура включала последовательный просмотр и герменевтическую интерпретацию отобранных эпизодов-«видеодокументов» через призму теоретического аппарата психоаналитической теории развития.

Теоретико-методологическую базу составил интегративный подход, синтезирующий:

1. Теорию сепарации-индивидуации (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман) [11; 20], описывающую процесс психологического рождения индивида и его обретения автономии от первичного объекта привязанности. Для целей настоящего исследования наибольшую релевантность представляют понятия «нормальный симбиоз», подфазы дифференциации, практики и воссоединения, а также ключевой конструкт «незавершенной сепарации» – патологического исхода развития, при котором формально взрослый индивид сохраняет бессознательную симбиотическую связь с интернализованным материнским образом.

2. Концепцию «ложного Я» (Д.В. Винникотт) [4], позволяющую объяснить этиологию и структуру нарушений, описанных М. Малер [11; 20]. Согласно Д.В. Винникотту, срыв «достаточно хорошего поддерживающего окружения» ведет к формированию защитной организации личности, систематически подавляющей спонтанные, «истинные» потребности в угоду соблюдению внешних требований [4]. Поведенческий репертуар героя Лукашина демонстрирует характерные черты такого «ложного Я»: социально одобряемая пассивность и «удобность» маскируют глубинный дефицит автономного желания.

3. Теорию привязанности (Дж. Боулби, М. Эйнсворт и др.) [2; 17], предоставляющую концептуальный аппарат для анализа качества эмоциональных связей и базовых паттернов совладания. Поведенческий профиль Лукашина соответствует критериям ненадежной привязанности с выраженными чертами тревожно-амбивалентного и дезорганизованного типов: компульсивный поиск подтверждения близости, катастрофический страх отвержения, регресс к инфантильным формам поведения в ситуации стресса.

4. Архетипический анализ (К М.-Л. фон Франц, Г. Юнг, Дж. Хиллман, Д. Шарп) [13; 16; 18; 21]. Ключевым для интерпретации образа является архетип *puer aeternus* («вечный юноша») – структура психики, олицетворяющая отказ от взросления, экзистенциальной ответственности и «приземления» в рутинную реальность. Данный архетип служит мета-ключом к интерпретации как личностной организации Лукашина, так и нарративной логики псевдоромантического сюжета фильма.

Процедура анализа. Аналитическая работа включала этапы: 1) первичный просмотр фильма с фиксацией эпизодов, релевантных задачам исследования; 2) вторичный, «прицельный» просмотр отобранных сцен с транскрипцией вербального и невербального поведения персонажа; 3) категоризацию выделенных единиц в соответствии с теоретическими конструктами (регресс, диффузность границ, поиск объекта-заместителя, аффективная лабильность); 4) герменевтическую интерпретацию полученных данных в контексте целостного нарратива и культурно-исторического фона создания фильма.

Критерии валидности. Обоснованность интерпретаций обеспечивается: 1) опорой на прямые поведенческие и вербальные маркеры, представленные в фильме; 2) внутренней непротиворечивостью интерпретации в рамках привлекаемых теоретических концепций; 3) согласованностью выводов с целостным контекстом киноповествования, а также с культурно-историческим фоном позднесоветской эпохи (С. Бойм) [3]; (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина) [7]; (И.С. Кон) [9].

Таким образом, синтез теорий развития личности и методологии анализа искусства позволяет конструировать надежный исследовательский инструментарий, служащий для перевода интуитивных зрительских впечатлений в систему верифицируемых психологических категорий и диагностических конструктов.

Результаты и обсуждение

Анализ личности и поведения Евгения Лукашина как кейса незавершенной сепарации. Персонаж Лукашина представляет собой яркую кинематографическую репрезентацию «социально успешного инфантила» – индивида, чье психологическое развитие оказалось

фиксированным на подфазе воссоединения в рамках процесса сепарации-индивидуации (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман и др.) [11; 20]. Его личность демонстрирует развернутый симптомокомплекс незавершенной сепарации, который системно проявляется на аффективном, мотивационном, коммуникативном и реляционном уровнях. Клинико-психологический портрет героя может быть описан через симптоматику «вечного мальчика» (*puer aeternus*) (М.-Л. фон Франц) [13]; (Дж. Хиллман) [18]; (Д. Шарп) [21].

Аффективная сфера характеризуется выраженной лабильностью и склонностью к регрессивным реакциям на стресс. В ситуации кризиса вместо активации зрелых механизмов совладания (планирования, поиска решения) герой демонстрирует архаичные, детские формы поведения: беспомощный плач, истерический смех от бессилия, психосоматические проявления слабости («ноги подкосились»). Его сентиментальность (слезы, вызванные песнями или стихами) носит инфантильный, неконтролируемый характер и выполняет функцию не глубинного проживания чувства, а немедленной разрядки аффективного напряжения. Доминирующим аффектом является диффузная тревога, связанная с перманентной угрозой разрыва симбиотических связей (гнев матери, неодобрение Гали, конфликт с Надей). Данный аффективный паттерн является типичным проявлением нарушенной привязанности (Дж. Боулби) [2]; (М. Эйнсворт и др.) [17] и служит маркером незавершенной сепарации-индивидуации (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман) [11; 20].

Мотивационно-волевая сфера находится в состоянии хронического дефицита, что предопределяет позицию героя как объекта, ведомого внешними обстоятельствами и волей других людей. Данный дефицит проявляется в трех ключевых аспектах.

Во-первых, это тотальная пассивность в принятии решений, затрагивающих его жизнь: он не выбирает поход в баню – его «увозят» друзья; он не делает сознательный выбор жениться, а подчиняется императиву «надо», мотивированному лишь социальным возрастом («уже 36 лет»). Предстоящая свадьба с Галей, таким образом, представляет собой не акт личного выбора, а ритуализированное воплощение навяз-

занного социального сценария, что служит яркой иллюстрацией полного доминирования «ложного Я» (Д.В. Винникотт) [4].

Во-вторых, наблюдается полное отсутствие проактивности и инициативы в ситуации кризиса. Оказавшись в Ленинграде, Лукашин не предпринимает системных попыток решить проблему (установить связь с милицией, московскими друзьями), а впадает в пассивное ожидание, пока его спасение не будет организовано извне – друзьями или случайным вмешательством Ипполита.

В-третьих, эта комплексная волевая несостоятельность и страх личной агентности напрямую соответствуют ядру архетипа *puer aeternus* (М.-Л. фон Франц) [13]; (Дж. Хиллман) [18]; (Д. Шарп) [21], для которого характерен глубинный ужас «приземлиться» в материальную реальность и принять на себя бремя экзистенциальной ответственности за собственную жизнь.

Коммуникативная сфера и Я-концепция героя также маркированы инфантильностью и незавершенностью сепарации. Его речевой паттерн изобилует самооправданиями, самоуничижением и регрессивными, детскими интонациями. В диалогах с Надей он хронически занимает позицию виноватого ребенка, что рефреном звучит в его репликах: «Я не виноват!», «Я же говорил...», «Ну что вы на меня смотрите?». Предъявляемое им самописание («я тихий, спокойный, почти не пью») представляет собой не рефлексивно усвоенную идентичность, а заученную формулу «ложного Я», сконструированную для абсолютного соответствия ожиданиям матери и социума. Вследствие этого у героя отсутствует доступ к «истинному Я» (Д.В. Винникотт) [4]: он не способен артикулировать собственные глубинные желания, поскольку они либо остаются несформированными, либо тотально подавлены.

Обобщая поведенческие, аффективные и речевые проявления героя, мы можем представить структуру незавершенной сепарации как многомерную систему. Анализ позволил выделить пять ключевых сфер, в которых симптомокомплекс проявляется наиболее выражено: аффективная, мотивационная, коммуникативная, реляционная (сфера значимых отношений) и пространственная. Каждая из этих сфер может быть описана через специфические маркеры, имеющие конкрет-

ные эмпирические референты в поведении персонажа (см. таблицу 1). Данная операционализация переводит описание киногероя на язык структурированного наблюдения и создает основу для разработки диагностического инструментария – опросников, схем анализа интервью и критериев наблюдения в эмпирических исследованиях реальных респондентов, в частности студенческой молодежи.

Таблица 1.

Симптомокомплекс незавершенной сепарации (на примере Е. Лукашина)
Table 1. Symptom Complex of Incomplete Separation (using E. Lukashin as an example)

Сфера	Маркер	Эмпирический референт (пример из фильма)
Аффективная	Эмоциональная лабильность, склонность к регрессу	Плач, истерический смех, психосоматические реакции («ноги подкосились»)
Мотивационная	Отсутствие агентности, пассивность	«Меня в Ленинград увезли», «надо жениться» (внешняя мотивация)
Коммуникативная	Позиция «виноватого ребенка» в диалоге	«Я не виноват!», «Ну что вы на меня смотрите?»
Реляционная	Поиск объекта-заместителя материнской фигуры	Галя (опека, быт), Надя (идеализированный объект, анима)
Пространственная	Диффузность личностных границ	Неспособность отличить «свою» квартиру от «чужой»; присвоение чужого пространства/вещей

Система интерперсональных связей. В целом межличностные связи Евгения Лукашина структурированы не моделью зрелого партнерства, а устойчивым паттерном поиска и фиксации на объекте-заместителе материнской функции. Эта конфигурация отношений служит прямым отражением клинического ядра незавершенной сепарации-индивидуации (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман) [11; 20] и одновременно разыгрывает архетипический сценарий *puer aeternus* (вечного юноши) (М.-Л. фон Франц) [13], для которого характерна тоска по симбиотическому слиянию и панический страх перед автономным существованием.

Отношения с матерью демонстрируют модель интернализированного симбиоза и интроецированного контроля. Динамика этой связи представляет собой незавершенный и патологически зафиксированный первичный симбиоз. Ключевая сцена телефонного разговора выступает

как диагностический эпизод, обнажающий суть патологической привязанности: голос и интонации Лукашина мгновенно регрессируют до виновато-заискивающего, детского регистра. Его фундаментальная неспособность сообщить о кризисе (попадании в чужой город) проистекает из катастрофического страха расстроить мать и лишиться её одобрения, что свидетельствует о гипертрофированной сепарационной тревоге. Данный страх указывает на то, что мать функционирует не как внешняя фигура, а как мощный интернализированный (усвоенный) и интроецированный (впущенный внутрь) контролирующий объект, чье психологическое присутствие доминирует над физическим отсутствием. Вся жизнь героя сводится к проживанию не собственного, а «разрешенного» сценария в пространстве (квартире), которое она материально и символически обустроила. Данная конфигурация личности является канонической иллюстрацией формирования «ложного Я» (Д.В. Винникотт) [4] – защитной структуры, целиком ориентированной на предвосхищение и удовлетворение ожиданий значимого Другого при тотальном подавлении собственных спонтанных импульсов и «истинных» потребностей.

Отношения с Галей иллюстрируют процесс институционализации симбиоза. Галя выполняет в жизни Лукашина роль не партнерши или возлюбленной, а функционального заместителя матери. Её поведенческий паттерн исчерпывающе реализует эту функцию: она систематически опекает («Я тебя воспитала»), обслуживает его бытовые потребности (готовка, забота о здоровье) и осуществляет полное жизнепланирование. Предстоящий брак, таким образом, представляет собой не создание новой семьи, а социальную легитимацию и институционализацию уже сложившейся симбиотической диады (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман) [11; 20]. Аффективная инвестиция Гали направлена не на взрослого мужчину, а на ее собственный «проект» – идеализированный образ удобного, послушного «мальчика», лишённого автономной воли. Данный союз демонстративно десексуализирован и лишен каких-либо признаков эгалитарного партнерства, являясь классическим воплощением модели «заботливая мать – послушный сын». Эта реляционная схема служит наглядной иллюстрацией инфанти-

лизированной маскулинности (И.С. Кон) [9], где мужская роль редуцируется до пассивного принятия опеки в рамках социокультурного паттерна делегированной женщине гипертрофированной ответственности (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина) [7].

Отношения с Надей знаменуют кризис симбиоза и проекцию идеального объекта. Встреча с Надей выполняет функцию насильственного разрушения привычного для Лукашина симбиотического уклада. Изначально она воплощает архетип «фрустрирующей, плохой матери» – фигуры, которая устанавливает границы, проявляет гнев и отказывается ему «верить», активируя тем самым базовую тревогу отвержения. Этот конфликт становится для Жени вынужденным и травматичным опытом отстаивания собственных границ, хотя и реализуемым через инфантильные защиты. Однако в процессе взаимодействия происходит характерная для его психики подмена объекта: Надя трансформируется из источника фрустрации в экран для проекции идеализированного образа анимы – внутреннего женского начала, связанного с одухотворенностью, поэзией и подлинным чувством (К.Г. Юнг) [16]. В ней он видит всё, что было вытеснено из его «правильной», но эмоционально пустой жизни с Галей. Значимо, что эта идеализация не ведет к установлению зрелых отношений партнерства. Напротив, Лукашин инстинктивно стремится встроить Надю в привычный паттерн зависимости, готовя для себя роль «виноватого мальчика», жаждущего прощения и опеки, что красноречиво свидетельствует об устойчивости его инфантильной позиции и бегстве от взрослой ответственности (М.-Л. фон Франц) [13]; (Э. Фромм) [14].

Пространство как проекция размытых границ. Типовая квартира в Ленинграде выполняет роль «материнской утробы», лишенной индивидуальных маркеров, являясь материальной проекцией советской типизированной реальности (С. Бойм) [3]. Ее анализ может быть углублен в рамках методологии изучения экранного хронотопа (В.Ф. Познин) [12]. Факт, что герой не сразу замечает подмену, символизирует глубину его несепарированности: для его психики не существует принципиальной разницы между своим и чужим психологическим и физическим пространством. Его личные границы настолько диффузны,

что он с легкостью занимает чужое жилье, присваивает чужой халат и вещи, демонстрируя отсутствие базового чувства самости. Эта поведенческая особенность служит наглядной метафорой его личности: у героя не сформировано устойчивое, автономное «Я», способное к четкой дифференциации «себя» и «другого», что является прямым следствием незавершенной сепарации-индивидуации (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман) [11; 20]. Пространственный хаос, возникающий в квартире после его прибытия, представляет собой экстернализацию внутреннего хаоса, спровоцированного травматичным и вынужденным «отделением» от привычной симбиотической среды.

Таким образом, образ Евгения Лукашина представляет собой целостную систему, организованную вокруг ядра незавершенной сепарации (М. Малер) [11]. Его поведение, аффективные реакции, межличностные отношения и способы взаимодействия с миром последовательно отражают бессознательную установку на сохранение симбиотических связей и тотальное избегание взрослой автономии, что полностью соответствует динамике «бегства от свободы» (Э. Фромм) [14]. Сюжет фильма становится для героя экстремальным, навязанным извне экспериментом по выходу из этой патологической стабильности, результаты которого будут рассмотрены далее.

Сюжетный кризис как вынужденная сепарация. Сюжетная коллизия «Иронии судьбы» представляет собой не просто комедийную случайность, а нарративную метафору острого психологического кризиса, насильственно вырывающего личность из зоны симбиотического комфорта. Путешествие Лукашина в Ленинград можно интерпретировать как экстернализацию внутреннего конфликта между «ложным Я» (Д.В. Винникотт) [4], живущим по навязанному сценарию, и подавленным «истинным Я», жаждущим спонтанности и подлинных чувств, что сопряжено с глубинным кризисом смысловой регуляции жизни и идентичности (Д.А. Леонтьев) [10].

Ситуация, в которой герой оказывается – нахождение в чужом городе, чужой квартире, в отрыве от привычных опор (друзей, матери, Гали) – представляет собой травматическое, но структурно необходимое условие для потенциальной сепарации. Этот сюжетный поворот

выступает в роли классического кризиса развития, искусственно инициированного «иронией судьбы». Однако первичной и доминирующей реакцией Лукашина становится не попытка адаптации, а тотальный регресс, охватывающий поведенческую и эмоциональную сферы.

Поведенческий регресс проявляется в отказе от активных попыток разрешения проблемы: вместо поиска выхода он ложится спать в чужой кровати, что символизирует архаичное желание «отключиться» от реальности и вернуться в безопасное, внутриутробное состояние псевдосимбиоза. Эмоциональный регресс выражается в реакциях, характерных для до-сепарационной стадии развития ребенка, потерявшего мать из виду: паника, беспомощный плач, ощущение катастрофической беспомощности.

Данный регресс эмпирически подтверждает хрупкость и незрелость его личности, лишенной внутренних ресурсов для совладания с фрустрацией. Кризис с беспощадной очевидностью обнажает отсутствие у Лукашина константности объекта (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман) [11; 20] – то есть сформированного внутреннего, устойчивого образа любящей и поддерживающей матери, который мог бы служить опорой в ситуации разрыва с физическим объектом. Его мать как интернализированный объект остается неразрывно связанной с конкретным московским пространством (квартирой), и без этой внешней, материализованной опоры его «Я» мгновенно дезинтегрируется, теряя целостность.

Конфликт с Надей как проекция и пробуждение «истинного Я». Появление Нади катализирует кризис, трансформируя пространственный хаос в хаос межличностный. Их конфликт обладает глубоким психологическим подтекстом. Изначально Надя воплощает архетип «фрустрирующей матери» – фигуры, которая разрушает симбиоз посредством установления границ («Это моя квартира!»), предъявления требований и проявления гнева. Ее невозможно умиротворить инфантильными уловками, с ней необходимо вступать в диалог как с отдельным, равным субъектом. Для героя этот опыт является новым и травматичным, требующим выхода из пассивной роли «послушного сына» в рамках симбиотической диады (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман) [11; 20].

В этом конфликте активизируются не только инфантильные защиты (отрицание, рационализация), но и пробуждаются зачатки «ис-

тинного Я» (Д. В. Винникотт) [4]. Герой начинает спонтанно шутить, читать стихи, проявлять настойчивость и даже вербальную агрессию. Именно в противостоянии с Надей, а не в комфортных отношениях с Галей, Лукашин демонстрирует искренние, живые эмоции. Их утренний диалог становится первым в его жизни разговором на равных, где он пытается не угодить, а быть услышанным, что можно рассматривать как момент частичной индивидуации (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман) [11; 20]; (Э. Эриксон) [15].

Однако в процессе взаимодействия происходит характерная подмена объекта: Надя быстро трансформируется из источника фрустрации в экран для проекции идеализированного образа анимы (К.Г. Юнг) [16]. Она ассоциируется с поэзией, красотой и искренностью – всем тем, что было вытеснено из его «правильной», но эмоционально пустой жизни. Влюбленность в нее представляет собой проекцию его собственной подавленной потребности в духовности и глубоком чувстве, что является классическим сюжетом для архетипа *puer aeternus* (М.-Л. фон Франц) [13]; (Д. Шарп) [21], вечно ищущего внешнее спасение через идеализированный образ.

Финал: магическое спасение как отказ от индивидуации. Кульминационный выбор героя («Я остаюсь!») кажется моментом истины, актом сепарации и обретения субъектности. Однако режиссерский ход с магической телепортацией друзьями в корне меняет психологическое значение финала. Лукашин не совершает самостоятельного, волевого акта возвращения. Его пассивно перемещают, как вещь или ребенка. Он снова оказывается в позиции объекта, чью судьбу решают другие (друзья как коллективная «материнская» инстанция), что демонстрирует полное отсутствие личной агентности и фиксацию на пассивно-рецептивной позиции (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман) [11; 20]; (Э. Фромм) [14].

Возвращение в Ленинград и к Наде представлено не как результат его борьбы и выбора, а как дар судьбы, организованный извне. Таким образом, финал не завершает процесс сепарации-индивидуации (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман и др.) [11; 20], а создает новую, более сложную форму симбиоза. Он покидает опеку матери и Гали, чтобы

попасть под опеку Нади и коллектива друзей. Он меняет содержание симбиотических отношений, но не их форму, оставаясь в рамках инфантильной зависимости (И.С. Кон) [9]; (М.-Л. фон Франц) [13].

Такой финал идеально соответствует паттерну «вечного юноши» (М.-Л. фон Франц) [13]; (Д. Шарп) [21]. «Puer» не может спасти себя сам; он должен быть найден, признан и спасен магическим образом (в сказках – принцем, феей, волшебным помощником). Друзья, прилетевшие на самолете, и становятся этим волшебным помощником, что является типичным культурным мифом, снимающим с индивида груз ответственности (С. Бойм) [3]; (С. Ларсен) [19]. Спасение приходит без личных усилий, без прохождения через болезненную, но необходимую стадию одиночества и ответственности, блокируя тем самым процесс подлинного взросления и обретения идентичности (Э. Эриксон) [15].

Финал фильма, будучи проинтерпретирован как отказ от индивидуации, демонстрирует катастрофические последствия для жизненной перспективы героя. Лукашин не обретает авторства собственной жизни (термин Э. Фромма, близкий к понятию субъектности жизненного пути). Его будущее остается неопределенным, делегированным внешним обстоятельствам и «спасающим» объектам. Отсутствие агентности делает невозможным формирование устойчивой временной перспективы: герой существует в режиме «вечного настоящего» (*puer aeternus*), где будущее не планируется, а случается.

Сюжет фильма мастерски изображает провокацию к сепарации, но предлагает псевдо-разрешение. Он показывает, что даже сильнейший кризис и встреча с «истинным Я» (Д.В. Винникотт) [4] могут не привести к подлинному взрослению, если у личности отсутствуют внутренние ресурсы, а культура предлагает вместо трудного пути индивидуации (М. Малер, К.Г. Юнг) [11; 16] – миф о магическом спасении. Финал оставляет героя не столько зрелым мужчиной, обретшим любовь, сколько «вечным мальчиком» (*puer aeternus*) (М.-Л. фон Франц) [13]; (Д. Шарп) [21], которому вновь улыбнулась удача и нашелся новый, более совершенный объект для проекции его идеалов. Это делает историю не только романтической, но и глубоко меланхоличной: она фиксирует момент прозрения, но не преобразования или психологического рож-

дения (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман) [11; 20], отражая тем самым экзистенциальный тупик незавершенной сепарации (Э. Фромм) [14].

Заключение

Проведенный психологический анализ образа Евгения Лукашина в контексте теории сепарации-индивидуации позволяет сформулировать ряд содержательных выводов, выходящих за рамки киноаррати-ва и затрагивающих вопросы социальной психологии и культурного бессознательного.

1. Персонаж Лукашина представляет собой репрезентативную художественную модель синдрома «незавершенной сепарации-индивидуации» (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман) [11; 20] в его социально приемлемой, «нормативной» форме. Его поведенческий паттерн – пассивность, регресс в стрессовой ситуации, поиск объектов, замещающих материнскую функцию, диффузность личностных границ – соответствует клиническим описаниям индивидов с фиксацией на симбиотической стадии развития (Дж. Боулби) [2]; (М. Эйнсворт и др.) [17]; (Э. Фромм) [14]. Существенно, что фильм репрезентирует данный случай не как индивидуальную патологию, а как вариацию социальной нормы эпохи позднего СССР (С. Бойм) [3], что указывает на широкую распространенность подобной личностной организации в условиях, блокирующих развитие автономии и поощряющих иждивенческие установки.

2. Установлена тесная взаимосвязь незавершенной сепарации с гендерными ролями позднесоветского периода. Герой воплощает модель инфантилизированной маскулинности (И.С. Кон) [9], которая, будучи социально одобряемой в аспектах доброты, неконфликтности и «удобности», оказывается функционально несостоятельной вне системы женской опеки (мать – Галя – Надя). Инфантильность персонажа выступает оборотной стороной гипертрофированной ответственности, делегированной женщинам в культуре данного периода (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина) [7]. Личностная драма Лукашина, таким образом, отражает коллективный гендерный сценарий, в котором мужская субъектность подменяется пассивным принятием заботы.

3. Ключевым результатом исследования является интерпретация финала фильма не в качестве хэппи-энда, а как нарратива об отказе от индивидуации (К.Г. Юнг) [16]; (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман) [11; 20]. Спасение героя друзьями конституирует культурный миф (С. Ларсен) [19], в котором прорыв к аутентичности возможен лишь по воле случая и усилиями коллектива, минуя личную ответственность. Данный сценарий обладает не только социальным, но и архетипическим измерением, воспроизводя логику мифологического сознания, где кризис идентичности находит мнимое разрешение через чудесное вмешательство (Д. Шарп) [21]. Подобный миф, снимая с индивида бремя вины за несостоявшуюся сепарацию, одновременно лишает его агентности (Э. Фромм) [14]. Психологической ценой такого «спасения» становится перманентная позиция ребенка в мире, где решения принимаются за него, что сущностно соответствует архетипу *puer aeternus* (М.-Л. фон Франц) [13]; (Дж. Хиллман) [18]; (Д. Шарп) [21].

4. Устойчивая зрительская любовь и идентификация с Лукашиным объясняется через концепцию «эффекта узнавания» собственных непрожитых конфликтов. Персонаж предоставляет легитимацию и эстетическую форму коллективному, но часто вытесняемому опыту: страху перед взрослой ответственностью («бегство от свободы» по Э. Фромму) [14], ностальгии по безусловной материнской защите (Дж. Боулби) [2]; (М. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман) [11; 20], сопротивлению рутине и тоске по чудесному разрешению жизненных тупиков. Он представляет собой коллективную тень общества (К.Г. Юнг) [16], которое формально декларировало ценности коллективизма и социальной зрелости, но в приватной сфере воспроизводило глубокие симбиотические связи и зависимость от патерналистской системы (С. Бойм) [3]; (Н.М. Зоркая) [8].

Практические рекомендации и перспективы дальнейших исследований

Проведенный клинико-психологический анализ образа Евгения Лукашина позволяет не только реконструировать структуру личности с незавершенной сепарацией, но и открывает возможности для практического применения полученных результатов в работе психологов, а также задает векторы для дальнейших научных исследований.

Практические рекомендации. Выделенный симптомокомплекс незавершенной сепарации (см. таблицу 1) может быть положен в основу прикладных разработок, адресованных практикующим психологам, преподавателям и исследователям, работающим с феноменом инфантилизма.

1. Диагностический инструментарий. Представленные в таблице маркеры (аффективная лабильность, отсутствие агентности, позиция «виноватого ребенка», поиск матери-заместителя, диффузность границ) могут лечь в основу схемы полуструктурированного интервью для выявления признаков незавершенной сепарации у студентов. Особое внимание следует уделять нарративам респондентов: доминирование пассивных конструкций («меня привели», «так сложилось», «меня отравили»), отсутствие субъектных высказываний («я выбрал», «я решил», «я стремлюсь») и частотность инфантильных самохарактеристик, включающих самоумаление, демонстрацию беспомощности и регресс к детским позициям («я маленький и ничего не решаю», «я не виноват, так получилось»), являются проекциями личностной организации лукашинского типа. Данный диагностический подход может быть использован в эмпирическом изучении взаимосвязи незавершенной сепарации и параметров жизненной перспективы на выборке студентов педагогических университетов, включая обучающихся из воссоединенных регионов РФ, что осуществляется в рамках выполнения Государственного задания № 073-00108-26-01. Методологической основой такого исследования станут теоретико-эмпирические принципы, представленные в коллективной монографии «Психология самоорганизации личности и социальных общностей: вызовы и решения» (Блинова и др., 2026) [1]. Особый интерес представляет верификация выявленных в данном исследовании паттернов – диффузности границ, регрессивных стратегий совладания, зависимости от внешней опоры – как предикторов несформированности временной перспективы у реальных респондентов. Полученные результаты положены в основу диагностического блока разрабатываемого учебно-методического пособия «Жизненная перспектива студентов педагогических вузов воссоединенных регионов РФ: диагностика и коррекция».

2. Коррекционная работа. Структура личности, реконструированная на примере Лукашина, позволяет определить ключевые мишени психологического вмешательства при работе с клиентами, демонстрирующими признаки незавершенной сепарации: - формирование «авторства жизни» – развитие способности к целеполаганию, планированию и принятию ответственности за собственные выборы (преодоление позиции «объекта», которым управляют обстоятельства); - проработка сепарационной тревоги через создание безопасного опыта автономии, постепенное расширение зон самостоятельности и рефлексии страхов, связанных с отделением; - дифференциация «своего» и «чужого» пространства, мнения, желания как основа укрепления личностных границ, нарушение которых у Лукашина проявляется в неспособности отличить свою квартиру от чужой и присвоении чужих вещей. На основе выделенных мишеней будут разработаны коррекционно-развивающие программы и тренинги, направленные на сопровождение процесса сепарации студенческой молодежи. Данные материалы также войдут в упомянутое учебно-методическое пособие.

3. Образовательная практика. Фильм «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» может быть рекомендован как наглядное учебное пособие в курсах «Психология личности», «Психология развития», «Психотерапия» и «Клиническая психология». Работа с кейсом Лукашина позволяет студентам-психологам в безопасной дистанцированной форме освоить навыки клинического наблюдения и психологической интерпретации: идентифицировать феномен «ложного Я» (Д.В. Винникотт), распознавать паттерны ненадежной привязанности (Дж. Боулби, М. Эйнсворт), диагностировать проявления архетипа *puer aeternus* (М.-Л. фон Франц, Дж. Хиллман) и отслеживать маркеры незавершенной сепарации-индивидуации (М. Малер). Кинематографический материал, благодаря своей наглядности и эмоциональной вовлекающей силе, создает уникальные условия для формирования профессионального «клинического зрения» будущих психологов. Методические рекомендации по использованию данного кейса в учебном процессе также будут представлены в разрабатываемом пособии.

Таким образом, результаты проведенного исследования получают непосредственное практическое воплощение в диагностических и коррек-

ционных материалах, адресованных психологической службе системы образования и преподавателям педагогических вузов воссоединенных регионов Российской Федерации.

Перспективы дальнейших исследований. Полученные в ходе анализа результаты не исчерпывают исследовательского потенциала темы и открывают ряд перспективных направлений для дальнейших научных изысканий.

Сравнительный анализ киноперсонажей. Представляется продуктивным сопоставление образа Лукашина с другими киногероями, репрезентирующими инфантильную личностную организацию, например, с Анатолием Новосельцевым из «Служебного романа» Э. Рязанова или с персонажами более позднего периода российского кино. Такой сравнительный анализ позволит выявить как устойчивые культурно-психологические паттерны репрезентации инфантильности, так и их трансформацию в зависимости от социально-исторического контекста.

Историко-психологическое исследование. Целесообразно проследить динамику репрезентации инфантильной маскулинности в отечественном кинематографе в связи с изменением социальных условий: распад СССР, становление рыночных отношений в 1990-е годы, стабилизация 2000-х и новые вызовы 2020-х. Подобное исследование позволило бы ответить на вопрос, как социокультурные трансформации влияют на коллективные представления о взрослении, ответственности и мужской субъектности.

Расширение теоретической базы. Дальнейшая разработка темы может быть связана с привлечением концепций социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман), а также с углублением исследований позднесоветского «дефицита», понимаемого не только в товарно-экономическом, но и в психологическом ключе – как дефицит пространств для личностной автономии, дефицит социально санкционированных моделей индивидуации и дефицит культурных сценариев взросления, альтернативных патерналистской опеке.

Фильм Э.А. Рязанова, благодаря созданию сложного и амбивалентного образа Лукашина, оказывается не просто «новогодней сказкой», а значимым культурным текстом, вскрывающим глубинный психологиче-

ский конфликт эпохи застоя. Произведение осуществляет художественное осмысление трагедии незавершенного взросления, демонстрируя, как индивид может функционально существовать в социуме, оставаясь психологически «не рожденным» для автономной жизни. Кинокартина обнажает механизмы, при которых сама социальная среда невротически закрепляет инфантильность, предлагая вместо трудного пути индивидуации – миф о спасительной случайности. В этом заключается вневременная и экзистенциальная глубина «Иронии судьбы», делающая ее объектом не только народной любви, но и серьезного научного анализа.

Информация о спонсорстве. Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по теме: «Разработка модели построения жизненной перспективы студентами педагогических университетов воссоединенных регионов Российской Федерации» (№ 073-00108-26-01) на 2026 г.

Список литературы

1. Блинова, Е.Е., Давыдова, Г.И., Дьяков, С.И., и др. (2026). *Психология самоорганизации личности и социальных общностей: вызовы и решения*. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал». 223 с. ISBN: 978-5-908076-57-9. EDN: <https://elibrary.ru/ALDCWQ>
2. Боулби, Дж. (2003). *Привязанность*. Москва: Гардарики. 477 с.
3. Бойм, С. (2002). *Общие места: Мифология повседневной жизни в России*. Москва: Новое литературное обозрение. 320 с.
4. Винникотт, Д.В. (2002). *Игра и реальность*. Москва: Институт общегуманитарных исследований. 288 с.
5. Дмитриева, В.А., Одинова, В.В., & Намди, Д.М. (2016). *Психология кино*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета. 44 с.
6. Зверева, М.В. (2023). Клиническая психология и искусство в XXI веке. In *Клиническая психология XXI века: методология, теория, практика* (с. 218–227). Москва: Научный центр психического здоровья. EDN: <https://elibrary.ru/XHJGEW>
7. Здравомыслова, Е.А., & Темкина, А.А. (Ред.). (2007). *Российский гендерный порядок: социологический подход*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 306 с.
8. Зоркая, Н.М. (1981). *Уникальное и тиражируемое. Средства массовой коммуникации и репродуцированное искусство*. Москва: Искусство. 167 с.
9. Кон, И.С. (2009). *Мужчина в меняющемся мире*. Москва: Время. 496 с.

10. Леонтьев, Д.А. (2007). *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности* (2-е изд., испр.). Москва: Смысл. 510 с.
11. Малер, М. (2018). *Процесс сепарации-индивидуации и формирование идентичности: Избранные труды*. Москва: Когито-Центр. 312 с.
12. Познин, В.Ф. (2019). Художественное пространство и время в экранном хронотопе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*, 9(1), 4–23. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2019.105>. EDN: <https://elibrary.ru/ZBFPGP>
13. Франц, М.-Л. фон. (2006). *Puer Aeternus. Психологический портрет взрослого мужчины*. Москва: Когито-Центр. 240 с.
14. Фромм, Э. (2018). *Бегство от свободы*. Москва: АСТ. 288 с.
15. Эриксон, Э. (2006). *Идентичность: юность и кризис*. Москва: Флинта. 342 с.
16. Юнг, К.Г. (1991). *Архетип и символ*. Москва: Ренессанс. 304 с.
17. Ainsworth, M.D.S., Blehar, M.C., Waters, E., & Wall, S. (1978). *Patterns of Attachment: A Psychological Study of the Strange Situation*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 391 p.
18. Hillman, J. (1979). *Puer Papers*. Dallas: Spring Publications. 197 p.
19. Larsen, S. (1996). *The Mythic Imagination: The Quest for Meaning Through Personal Mythology*. Rochester: Inner Traditions. 304 p.
20. Mahler, M., Pine, F., & Bergman, A. (1975). *The Psychological Birth of the Human Infant: Symbiosis and Individuation*. New York: Basic Books. 308 p.
21. Sharp, D. (1991). *The Survival Papers: Anatomy of a Midlife Crisis*. Toronto: Inner City Books. 157 p.
22. Рязанов, Э.А. (реж.). (1975). *Ирония судьбы, или С лёгким паром!* [Фильм]. СССР: Мосфильм.

References

1. Blinova, E.E., Davydova, G.I., D'yakov, S.I., et al. (2026). *Psychology of self-organization of personality and social communities: Challenges and solutions*. Simferopol: Arial Publishing House. 223 p. ISBN: 978-5-908076-57-9. EDN: <https://elibrary.ru/ALDCWQ>
2. Bowlby, J. (2003). *Attachment*. Moscow: Gardariki. 477 p.
3. Boym, S. (2002). *Common places: Mythology of everyday life in Russia*. Moscow: New Literary Review. 320 p.
4. Winnicott, D.W. (2002). *Playing and reality*. Moscow: Institute of General Humanitarian Research. 288 p.
5. Dmitrieva, V.A., Odinoва, V.V., & Nandi, D.M. (2016). *Psychology of cinema*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 44 p.
6. Zvereva, M.V. (2023). Clinical psychology and art in the 21st century. In *Clinical psychology of the 21st century: Methodology, theory, practice* (pp. 218–227). Moscow: Mental Health Research Center. EDN: <https://elibrary.ru/XHJGEW>

7. Zdravomyslova, E.A., & Temkina, A.A. (Eds.). (2007). *Russian gender order: A sociological approach*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press. 306 p.
8. Zorkaya, N.M. (1981). *The unique and the reproducible: Mass media and reproduced art*. Moscow: Iskustvo. 167 p.
9. Kon, I.S. (2009). *Man in a changing world*. Moscow: Vremya. 496 p.
10. Leontiev, D.A. (2007). *Psychology of meaning: Nature, structure, and dynamics of the semantic reality* (2nd ed., rev.). Moscow: Smysl. 510 p.
11. Mahler, M. (2018). *The separation-individuation process and the formation of identity: Selected works*. Moscow: Kogito-Tsentr. 312 p.
12. Poznin, V.F. (2019). Artistic space and time in the screen chronotope. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*, 9(1), 4–23. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2019.105>. EDN: <https://elibrary.ru/ZBFPGP>
13. Franz, M.-L. von. (2006). *Puer Aeternus: A psychological portrait of the growing man*. Moscow: Kogito-Tsentr. 240 p.
14. Fromm, E. (2018). *Escape from freedom*. Moscow: AST. 288 p.
15. Erikson, E. (2006). *Identity: Youth and crisis*. Moscow: Flinta. 342 p.
16. Jung, C.G. (1991). *Archetype and symbol*. Moscow: Renaissance. 304 p.
17. Ainsworth, M.D.S., Blehar, M.C., Waters, E., & Wall, S. (1978). *Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 391 p.
18. Hillman, J. (1979). *Puer papers*. Dallas: Spring Publications. 197 p.
19. Larsen, S. (1996). *The mythic imagination: The quest for meaning through personal mythology*. Rochester: Inner Traditions. 304 p.
20. Mahler, M., Pine, F., & Bergman, A. (1975). *The psychological birth of the human infant: Symbiosis and individuation*. New York: Basic Books. 308 p.
21. Sharp, D. (1991). *The survival papers: Anatomy of a midlife crisis*. Toronto: Inner City Books. 157 p.
22. Ryazanov, E.A. (Dir.). (1975). *The Irony of Fate, or Enjoy Your Bath!* [Film]. USSR: Mosfilm.

ВКЛАД АВТОРОВ

Шебанова В.И.: разработка концепции и дизайна исследования, теоретико-методологическое обоснование (интеграция теорий сепарации-индивидуации, архетипического анализа и кинопсихологии), итоговый анализ данных, формулирование выводов, написание и редактирование текста статьи, работа над аннотацией и ключевыми словами.

Попельчук Г.А.: анализ поведенческих и аффективных маркеров персонажа, категоризация эмпирических единиц фильма, работа с источниками по теории привязанности и концепции «ложного Я», подготовка раздела «Результаты и обсуждение» (часть, касающаяся системы интерперсональных связей).

Лукьянова Е.Ю.: культурно-исторический анализ контекста эпохи (позднесоветский период), исследование гендерных аспектов и инфантилизованной маскулинности, работа с источниками по социологии и культурологии, подготовка разделов «Введение» и «Заключение» (в части социальной обусловленности феномена).

Олейник Н.О.: анализ пространственной среды и хронотопа фильма, интерпретация финала как нарративной модели, работа над структурой статьи и оформлением библиографии, перевод материалов на английский язык, подготовка раздела «Материалы и методы».

AUTHOR CONTRIBUTIONS

Vitaliia I. Shebanova: development of the concept and design of the study, theoretical and methodological substantiation (integration of theories of separation-individuation, archetypal analysis, and film psychology), final data analysis, formulation of conclusions, writing and editing of the text of the article, work on the abstract and keywords.

Galina A. Popelchuk: analysis of behavioral and affective markers of the character, categorization of empirical units of the film, work on sources on attachment theory and the concept of the “false self”, preparation of the “Results and Discussion” section (the part concerning the system of interpersonal connections).

Yelena Yu. Lukyanova: cultural and historical analysis of the context of the era (late Soviet period), study of gender aspects and infantilized masculinity, work on sources in sociology and cultural studies, preparation of the “Introduction” and “Conclusion” sections (regarding the social conditionality of the phenomenon).

Narmina O. Oleynik: analysis of the spatial environment and chronotope of the film, interpretation of the ending as a narrative model, work on the structure of the article and bibliography, translation of materials into English, preparation of the “Materials and Methods” section.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Шебанова Виталия Игоревна, доктор психологических наук, профессор, действительный член Крымской академии наук, профессор кафедры прикладной психологии и развития личности

*Херсонский государственный педагогический университет
ул. Университетская, 27, г. Херсон, Российская Федерация
v1italia.sh@yandex.ru*

Попельчук Галина Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии и развития личности

Херсонский государственный педагогический университет

ул. Университетская, 27, г. Херсон, Российская Федерация
halynadidenkopsy@yandex.ru

Лукьянова Елена Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, сервиса и туризма
Херсонский государственный педагогический университет
ул. Университетская, 27, г. Херсон, Российская Федерация
phdlukyanova@gmail.com

Олейник Нармина Оруджовна, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии
Херсонский государственный педагогический университет
ул. Университетская, 27, г. Херсон, Российская Федерация
narmina.oleinik@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vitaliia I. Shebanova, Doctor of Psychology, Professor, Full Member of the Crimean Academy of Sciences, Professor of the Department of Applied Psychology and Personality Development
Kherson State Pedagogical University
27, Universitetskaya Str., Kherson, Russian Federation
v1italia.sh@yandex.ru
SPIN-code: 5998-7337
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1658-4691>
ResearcherID: D-2740-2019

Galina A. Popelchuk, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Applied Psychology and Personality Development
Kherson State Pedagogical University
27, Universitetskaya Str., Kherson, Russian Federation
halynadidenkopsy@yandex.ru
SPIN-code: 2840-5483
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0763-1855>

Yelena Yu. Lukyanova, Candidate of Economic Sciences (PhD in Economics), Associate Professor of the Department of Management, Service and Tourism
Kherson State Pedagogical University
27, Universitetskaya Str., Kherson, Russian Federation
phdlukyanova@gmail.com

SPIN-code: 2325-5510

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2060-033X>

ResearcherID: AAG-5862-2020

Scopus Author ID 57195320651

Narmina O. Oleynik, Candidate of Psychology, Head of Department of General and Social Psychology

Kherson State Pedagogical University

27, Universitetskaya Str., Kherson, Russian Federation

narmina.oleinik@yandex.ru

SPIN-code: 9994-1800

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8351-8803>

Поступила 11.03.2026

После рецензирования 05.04.2026

Принята 12.04.2026

Received 11.03.2026

Revised 05.04.2026

Accepted 12.04.2026